

Теперь встретить Чжун Мина и Су И в Байшуйао стало делом непростым: с раннего утра молодые супруги выходили в море на ловлю рыбы и сбор морепродуктов, чтобы успеть к часу Чэнь прибыть в уезд и с утра выставить на продажу рыбу и соус.

Так как по утрам улова было много, а возиться с наймом лодки было хлопотно, Чжун Мин привёл в порядок их редко покидавшую место стоянки жилую лодку и стал пользоваться ею по-настоящему. Чтобы при стоянке у пристани не лишиться добра, он специально купил у уездного слесаря два замка, на берегу запирали обе каюты, да к тому же время от времени подносил сторожившему лодки мужику немного вина, и желающих залезть на судно и пошарить там не находилось.

К полудню, распродав товар, они обычно возвращались домой, и, пообедав, Су И принимался за лов креветок, приготовление соуса, сушку морепродуктов, стирку и шитьё...

Даже так ему казалось, что оставлять прилавок пустым после обеда слишком расточительно: он как раз пробовал готовить несколько новых видов соуса и, если вкус выйдет удачным, собирался сидеть в уезде целый день, ведь месячная арендная плата за место фиксирована, и каждая лишняя монета это уже заработок.

Дел было столько, что к шести годам, которые Чжун Ханю должны были исполниться в наступающем году, мальчик уже не мог, как прежде, только играть: всё, что было ему по силам, он делил с ними и выполнял. Он и так многое умел, просто раньше старший брат да семья второй тётки его баловали, жалея за слабое здоровье, и не позволяли часто браться за работу. Теперь же, когда он заметно окреп, а дела в семье шли явно в гору, он тоже поддался этой общей оживлённой атмосфере. Целыми днями он был полон сил и уже походил на настоящего помощника для брата и его супруга.

Чжун Мин, когда выпадало время, помогал им обоим, но чаще ему приходилось выходить в море за уловом, который заранее заказывали хозяева ресторанов, и к полудню везти его в уезд, чтобы те успели приготовить блюда к вечернему приёму гостей, не заставляя посетителей напрасно ждать.

Обычно свободная минута появлялась уже после ужина, когда на улице полностью темнело. Огонь в печи ещё не был погашен, на нём грелся специально купленный для этого лекарственный котелок, в котором варились травы, выписанные Су И в клинике. Это снадобье нужно было принимать дважды в день утром и вечером. После первых семи дней курса Чжун Мин заметил, что у Су И заметно порозовели щёки, ушла прежняя болезненная бледность, а сам гер говорил, что руки и ноги уже не такие холодные, как прежде.

Посоветовавшись, они оба пришли к выводу, что лекарство и впрямь помогает, а значит, врач Ли-ланчжун действительно силён в своём ремесле. Ради того, чтобы в будущем без помех родить ребёнка от Чжун Мина, Су И больше не сопротивлялся тратам на отвары. Сейчас в котелке на плите как раз кипела смесь трав по рецепту, скорректированному после второго осмотра.

Сквозь густой травяной аромат, в освещённой лампой каюте Су И сидел за работой — подшивал подошву, а Чжун Мин в кормовой части лодки чинил рыболовную сеть. Осень уже вступала в свои права. Хотя уезд Цзююэ, лежащий на юге, и не знал зимних снегопадов, пронизывающая влажная стужа обходила немногие дома стороной; в самые холодные дни холод пробирал до костей. Тогда соломенные сандалии уже не спасали, требовалось надевать матерчатую обувь.

В прошлом году Чжун Чунься сшила Чжун Мину и Чжун Ханю по паре ботинок, но мальчик подрос, и обувь стала ему жать. Пара Чжун Мина ещё была в ходу, хотя из-за долгих переходов сильно износилась. У самого Су И не было с собой ни одной пары матерчатых ботинок - у дяди, в доме которого он жил прежде, и зимой приходилось носить соломенные.

В этом году после свадьбы вторая тётка прислала целую связку старых лоскутов для подкладки и велела ему сшить и себе новую пару. Так всего должно было выйти три пары, и Су И, находя для этого время между делами, начал с ботинок для Чжун Ханя. Сейчас подошва на одной из них была почти готова.

Челнок в пальцах Чжун Мина скользил туда-сюда; сделав пару стежков, он невольно поднимал взгляд вглубь каюты — там, под тёплым, чуть меркнувшим светом лампы, плечом к плечу сидели младший брат и супруг, и в этой картине было столько тихого, домашнего уюта.

Странное дело, раньше он упорно не хотел жениться, опасаясь, что придётся изо дня в день ломать спину ради куска хлеба, проживая жизнь, которую можно угадать до самой старости, без капли новизны. Но теперь, когда он и впрямь был женат и каждый день вертелся как белка в колесе, мысли о будущем с Су И и детьми грели душу, и в этих грёзах не находилось места усталости, только светлое ожидание.

И именно в этот момент явились двое «портящих картину».

Среди водных людей не редкость, что кто-то приходит с делами вечером: если днём ушёл далеко в море, то возвращался лишь к закату, и гость мог объявиться уже в темноте.

Во главе вошёл Лю Шуньфэн, с натянутой улыбкой; следом плёлся Лю Шуньшуй — то хватаясь за голову, то почесывая лицо, и по одной лишь его суете можно было понять, как он скован.

Чжун Мин не ожидал увидеть этих братьев, да ещё и с узлом в руках. Они явно пришли не просто поболтать.

— Брат Фэн, А-Шуй, — приветствовал он, — что это вы сегодня решили заглянуть? Давайте, заходите, присаживайтесь.

Услышав голоса, Су И вышел из каюты, отложив в сторону работу. Увидев, что пришли Лю Шуньфэн и Лю Шуньшуй, он постарался улыбнуться как можно естественнее. Хоть он и давно расстался с Лю Ланьцао, встреча с родственниками семьи Лю всё ещё заставляла его

чувствовать себя неловко. Но эти двое, по крайней мере, вызывали меньше смущения, всё-таки они дружили с Чжун Мином и даже на свадьбе отдельно чокались с ним.

Лю Шуньфэн незаметно дёрнул брата за рукав, и оба один за другим вошли в каюту. Чжун Хань, узнав гостей, вежливо поздоровался. Су И тем временем достал из сундука чайник и чашки, заварил горный дикий чай. В уезде Цзююэ выращивали немало чая, и дешёвых сортов хватало, даже люди воды могли себе позволить держать дома немного для угощения гостей. Он ещё высыпал на блюдце горсть арахиса, положил пару мандаринов — еда не дорогая, но обычно в домах её берегли, а не ставили просто так на стол.

Су И собирался вернуться к шитью, но заметил, что Лю Шуньфэн несколько раз взглянул на него, причём с такой натянутой улыбкой, что она выглядела даже более неловкой, чем у него самого. Он уже догадывался, что мужчины хотят обсудить то, что ему будет неловко слушать. Поэтому, позвав Чжун Ханя, он с лёгкой улыбкой сказал:

— Сидите, разговаривайте, а я с Сяо Цзаем выйду прогуляться.

Потом он повернулся к Чжун Мину:

— Додо до сих пор не вернулся, мы с ним выйдем, поищем его.

Чжун Мин сразу понял, что Су И намеренно уходит, чтобы не присутствовать при разговоре. Сначала он хотел сказать, что дома нет ничего такого, что нужно скрывать, но потом передумал, возможно, тот просто не хочет находиться рядом с родственниками семьи Лю. Поэтому только ответил:

— Ладно, но сегодня ночью прилив, будьте осторожны.

Су И кивнул, взял мальчика за руку, ещё раз слегка кивнул братьям Лю и вышел.

После того как оба гера ушли, в каюте воцарилась короткая пауза. Чжун Мин сидел спокойно, а вот Лю Шуньфэн, поддавшись неловкости брата, сам стал ёрзать на месте. В конце концов он решил, что лучше нарушить тишину, и придвинул к столу принесённые дары — корзину с яйцами, кувшин жёлтого вина и свёрток с золотистым, как янтарь, каменным сахаром. Придвинув всё это поближе, он натянуто усмехнулся:

— А-Мин, у вас в уезде лавка открылась, а мы с братом так и не зашли поздравить.

— Брат Фэн, ты это зря, — Чжун Мин слегка покачал головой. — Это ведь всего лишь лавка, какое уж тут «поздравлять»? Когда мы с тобой стали такими чужими, чтобы дарить друг другу подарки? Такой подарок я не собираюсь принимать.

Чжун Мин прикинул, что братья Лю, скорее всего, пришли из-за места на сельском рынке, но,

глядя на скованность Лю Шуньшуя, заподозрил, что тут кроется и другая причина.

Лю Шуньфэн, раз уж решился явиться, прекрасно понимал, что этот вопрос не замять. Раз пришли, то прятаться уже нечего. Сжав зубы, он просто выдвинул вперёд Лю Шуньшуя.

— А-Мин, скажу прямо: сегодня мы пришли из-за этой бестолочи А-Шуя. Он сделал тебе подлость и теперь считает, что ему стыдно показываться тебе на глаза. А я думаю так: раз ты мужик, то имей смелость отвечать за свои поступки, — он подтолкнул брата кулаком в плечо, — вот я и притащил его, чтобы он перед тобой извинился.

Потом уже прямо рявкнул:

— Ну что ты копаешься? Живо расскажи, какую глупость натворил! Если А-Мин тебя простит - это нам честь, а если нет, так сам виноват!

Лю Шуньшуй с лицом, будто собирался на казнь, понял, что скрывать больше невозможно. Он, не вставая с колен, придвинулся вперёд на пару шагов, опустил голову и произнёс:

— А-Мин, я перед тобой виноват. Раньше... мой кузен, сын моей тётки Лю Ланьцао, гер по имени Лу Юй, положил на тебя глаз и просил меня вас познакомить. Я тогда позвал тебя к нам помочь чинить крышу, а заодно устроил, чтобы вы встретились. После того, как ты сказал, что у тебя уже есть кто-то на примете, я... я решил... я решил, что этот «кто-то» и есть он.

Услышав это, Чжун Мин уже считал всё происходящее чем-то из разряда невероятного и не знал, какое выражение лица ему стоит принять. Честно говоря, если бы Су И после свадьбы время от времени не упоминал о событиях в семье Лу и несколько раз не называл имя Лу Юя, он бы и не вспомнил, как зовут того гера из семьи Лу. Кто же мог подумать, что в глазах Лю Шуньшуя они с Лу Юем уже успели превратиться в «влюблённую парочку».

Слушая эти объяснения, Чжун Мин вдруг вспомнил кое-что:

— В тот день, когда я поехал в уезд покупать заколку для А-И, ты ведь тоже был там. Ты тогда настоял, чтобы я взял ту с узором бабочки... это тоже из-за этого?

И вот теперь всё стало ясно: недаром в тот день Лю Шуньшуй сам вызвался помочь выбрать и выглядел так, будто «точно знает, что это верный вариант». А Чжун Мин тогда ещё в шутку сказал, мол, выглядит так, будто Лю Шуньшуй прекрасно знает, для кого именно эта вещь.

Лицо Лю Шуньшуя залилось краской, и он осторожно кивнул:

— Да... именно из-за этого.

Внутри повисла тягостная тишина. Но при этом Лю Шуньшуй так и не сказал самого главного. Лю Шуньфэн, стиснув зубы, снова толкнул его в спину, чуть было не повалив. Тот еле удержался на месте и ещё более робко заговорил...

— И... и это ещё не всё... — пролепетал Лю Шуньшуй, — я узнал, что ты собираешься идти свататься к геру, и, возомнив себя умным, специально заранее рассказал об этом своему двоюродному брату. Он-то решил, что ты идёшь в дом Лу сватать именно его, так обрадовался, что в тот день встал ни свет ни заря и принялся прихорашиваться... а уж того, что на самом деле женихом должен был стать Су-гер, он никак не ожидал.

Чжун Мин: «...»

Теперь всё становилось на свои места: в тот день, когда он пришёл свататься, реакция того Лунгера и впрямь была слишком уж бурной, словно ненависть к Су И у него сидела в самой кости, а во взгляде на него самого мелькало что-то трудноуловимое и странное. Когда же теперь выяснилась причина, все детали сложились в единую картину, и объяснение оказалось вполне логичным.

Вот только сейчас Чжун Мин попросту не знал, как и оценить Лю Шуньшуя. Раньше он считал, что его двоюродный брат Ху-цзы чересчур простоват, но теперь думал: по крайней мере, Ху-цзы в сравнении с Лю Шуньшуйем не способен на такую вот «маленькую смекалку», которая в один миг умудряется поссорить с собой сразу несколько семей. Тот был честным и старательным, и даже когда узнал, что понравившаяся ему девушка вышла замуж, не стал навязываться или устраивать сцены, и в этом, надо признать, было куда больше достоинства.

Лю Шуньфэн, глядя на выражение Чжун Мина — словно тот только что проглотил живую муху, — прекрасно понимал: такое, случись оно с кем угодно, поперёк горла бы встало. И, пожалуй, даже через много лет, проснувшись среди ночи, невольно сел бы на постели и выругался: «Да он больной!»

Но что поделаешь, родной же брат. Потому он и взялся сгладить углы:

— А-Мин, дело, что сотворил А-Шуй, и правда ни в какие ворота не лезет. Я уже полмесяца дома его за это в хвост и гриву гоняю. Он сам понимает, что виноват, и потому в деревне, завидев тебя, даже подойти стесняется. Сегодня хочешь — брани его, хочешь — бей, я не встану на защиту. А если ты не побьёшь, я сам за это возьмусь. Как же это мы в семье вырастили такого дурня!

Лю Шуньшуй тоже подал голос:

— А-Мин, я понимаю, после этого мне и впрямь стыдно звать тебя братом. Но, как бы то ни было, мы были братьями... Только прошу, не дай этой истории обернуться враждой между нашими семьями.

Чжун Мин долго молчал, прежде чем заговорить:

— То, что ты сейчас рассказал, и вправду неприятно слушать. Никому не по душе слышать сплетни о себе, да ещё когда их разносит близкий брат. Я к Лу-геру никогда не питал никаких чувств, с самого начала и до конца в моём сердце был только А-И.

Лю Шуньфэн и Лю Шуньшуй затрясли головами как погремушки, но Чжун Мин продолжил:

— Но извиняться ты должен не только передо мной, а ещё и перед моим фуланом. Лу Юй, по крайней мере, в открытую зла мне не делал, а вот злоба к моему фулану была самая что ни на есть настоящая.

Сказав это, он повернулся к Лю Шуньфэну:

— Брат Фэн, если бы я заранее знал, что вы пришли именно по этому делу, я бы не стал уводить А-И, он должен был это услышать. Так что, если вы действительно пришли с искренними извинениями, то никуда пока не уходите. Дождёмся, когда он вернётся, и повторите ему слово в слово всё, что только что сказали мне. Прощать или нет, буду слушать только его решение.

<http://bllate.org/book/13583/1205023>